

12+

Алексей Гергенов

Леди Орк

История любви, дошедшая
сквозь тысячелетия

Алексей Юрьевич Гергенов

Леди Орк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28947271

SelfPub; 2019

Аннотация

На восточных рубежах западной империи девушка Гилни сообщает почтовому инспектору Хруодланду (Роланду) тайные сведения, которые могут спасти мир Средиземья. Они сбегают на восток, туда где через 4 тысячи лет о них будет написана повесть. Обнаруживаются сходения их мира с реальной географией и историей Земли (Южный Урал, Минусинская котловина и др.). Далее, трое молодых людей из нашего мира (двое из которых писали неоконченную рукопись Роланда) попадают в незапамятное прошлое... Они ищут причины современного кризиса в духовно-нравственной сфере.

Содержание

Часть первая	4
1. Фактория на дальних рубежах	4
2. Рукопись Роланда. Фактория Мантраорна	14
3. Короткие проводы	22
4. В Залесской фактории. Продолжение рукописи Роланда	26
5. Венец лета	31
6. Путь через горы	36
7. Солнечная Котловина	45
8. Дополнительные качества Ирги	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Часть первая

1. Фактория на дальних рубежах

Людей Запада здесь изначально было меньше, так как мало кто добровольно желал поселиться на столь отдаленных землях. Так что горнодольская колонизация носила, прежде всего, военно-стратегический характер. Кроме военных из свободного населения здесь жили, в основном, торговцы и, может быть, ремесленники. Впрочем, всё необходимое завозилось сюда с «большой земли».

Хруодланд сидел за столом в своей комнате, расположенной в большом здании, где жили офицеры стражи и часть торговцев. Перед ним на простом дощатом столе (метр-дотель жалел даже скатерти своим постояльцам) лежала большая книга в темно-красной кожаной обложке. Хруодланд задумался. Сей труд был не раз переписан. Ученые мужи, пожелавшие остаться неизвестными, прибавили в повествование множество художественных оборотов, приблизив тем самым к новым изыскам литературы Объединенного королевства. Чего стоят, например, многочисленные диалоги и, особенно, долгие описания пеших или конных переходов. Они вложили в уста своих героев (и даже в их сознание

– в мысли, сны, предчувствия) слова, которые те не говорили...

Ведь оригинальные сочинения очевидцев событий, отдаленных на тысячи, не могли быть столь подробными. Они, наверняка, соответствовали уровню «литературы» того давнего времени: обычно краткие описания основных событий – возможно, корявым языком.

«Прошло уже столько веков! – Хруодланд задумался. – Настала пора рассказать еще кое-что». Он не собирался писать апокриф. Он лишь хотел добавить свое видение этого мира – пока живёт в тех же реалиях, что и герои «Алой книги» (предчувствие скорой катастрофы не оставляло его)

Хруодланду помимо его родного Горнодола случалось бывать и на севере Объединенного Королевства, на землях Ярладольского наместничества. Теперь же судьба скромного сотрудника почтовой службы забросила его на дальнюю восточную окраину, совсем, пожалуй, неизвестную тем, кто вел анналы тысяелетней истории прошлого.

«Я должен написать дополнение к Приложениям, – думал Хруодланд, – особенно к той части, где повествуется «о врагах», или же к разделу «Орки и наречие тьмы»... Вот только как передать это потомкам?»

В дверь постучали. Хруодланд нервно оглянулся, но узнав знакомый стук, приветливо воскликнул: «Входи, Гилни!»

И она вошла... Неприметная на первый взгляд девушка в

черной одежде – миниатюрно, но не без изящества сложенная.

И вот, обменявшись, приветствиями, они начали разговор. Наконец дошла очередь до обсуждения мысли, к которой пришел Хруодланд как раз перед тем, как постучалась Гилни. И она высказалась весьма кратко, но немного жестко (в присущей ей манере):

– А ты думаешь, Алая книга обязательно сохранится? Наши далекие потомки не увидят ее в том виде, в каком сейчас ее ты листаешь...

– Но ты же говорила... что после Катастрофы, люди, пусть и не сразу, но узнают о нашем мире, о великих свершениях по объединению Королевства...

– Да, они узнают. Но не с помощью сохранившейся копий Алой книги...

И то, что далее поведала Гилни – с виду обычная девочка с темными, не очень длинными волосами и в скромной одежде – не то чтобы совсем расстроило Хруодланда, но очень сильно его удивило. Поняв, что знания о мире Средиземья сохраняются таким невиданным способом, он громко объявил:

– Но моя история – о нас с тобой, Гилни – тоже должна сохраниться! Вернее, передаться, как говоришь ты...

– Да, – с печальной улыбкой сказала девушка, – не сохраниться, а именно передаться... я должна найти человека, способного воспринять все мои и твои видения... Он бу-

дет жить примерно в то же время, что и человек, написавший труды о нашем мире – но не позже самого начала Четвертой эпохи, ставшие доступными всем желающим. Но как наш мир погибал – этого там еще никто не знает.

– Гилни...

– Сейчас ты не знаешь, но я найду способ пробраться туда, в будущее... И наш Восприниматель узнает нашу боль... и нашу радость. Он воспримет всё: и чувство стыда, и радость за наше с тобой хрупкое счастье, чувство отчуждённости от мира обычных людей, и гордость за противление предрассудкам...

Я расскажу ему историю любви человека из дунаданов... Ты истинный человек Запада – пусть лишь по духу и воспитанию. Ты верный слуга Объединённого королевства. Правда, Люди Запада – главный враг моего народа во все времена, если только не считать ваших черных собратьев – морэдайнов.

Но знай: я давно уже смирилась с нашей участью. У нас с тобой невозможная история любви... любви мужчины и женщины из разных народов – людей и орков, тысячелетиями воевавших друг с другом. Огромный груз взаимной ненависти, и даже простого презрения и недоверия лежал между нами. Но теперь мы всё преодолели, Роланд, верно?

– Ты опять меня назвала так... Роланд, а не Хруодланд. Почему?..

И Гилни отвечала ему с той же легкой усмешкой.

– Человек, носящий твоё имя, станет очень известен – о нём сложат красивые легенды и даже песнь. Его гибель будет сродни гибели давнего героя ваших преданий. Роланд тоже будет трубить в рог. В сказаниях он остался как Роланд, но истинное имя было сложным, но точно таким как у тебя – Хруодланд. Но сейчас давай не об этом...

Хотя... я знаю много о будущем. И я уже присмотрела себе человека, способного воспринять нашу с тобой историю. Назовём его Перципиент... или Восприниматель. И его пути познания ещё почти не замутнены ложью и подлостью. Он остался ещё ребёнком в деле познания мира – хоть его бывшая девушка и попрекала его этим ребячеством...

Но смог бы ты отринуть вековую неприязнь к оркам, не будь сам в душе ребёнком – чистым и самоотверженным? Идущим по зову души, которого людские наветы (и книжные догмы) могут лишь на время сбить с пути, но не отвратить помыслы от истины...

– Надо как-то оформить нашу повесть... – сказал вдруг Хруодланд, спохватившись. – Впрочем... я не понимаю. Если наш материальный носитель, вот эта бумага, не сохранится во тьме веков – как же ты сможешь передать изложение нашей с тобой истории?

– Да, Роланд. В этом и есть самая трудность. Видимо ему, нашему Воспринимателю из будущего, придётся всё ловить на лету, воспринимать последнюю историю Средиземья на уровне чувств и мечтаний.

– Ты сказала «последнюю» историю Средиземья?

– Вполне может так случиться... Ибо крах привычного нам мира не за горами, – строго ответила Гилни. – И оттого особенно важно, чтобы история твоей любви ко мне, представительнице векового «ужаса» Средиземья, дошла до будущих поколений, которые забудут всё... Разве что возродится как будто выдуманная летопись о Войне Кольца и ряд почти сказочных преданий о Первой эпохе. Везде орки – неисправимо злые. Но ведь я не такая! Тем более важно, чтобы я, орка, сохранилась в нашей последней истории из гибнущего Средиземья! Об орках написано так много плохого, что хотя бы одна история о хорошей орке – о нашей любви – должна передаться сквозь толщу тысячелетий!

– Много может исказиться. Если вообще может ему передаться, – возразил Хруодланд.

– Что ж, Ролли, отдохни, – и его черная гостья стремительно встала со стула и покинула комнату.

Хруодланд, задумавшись над тем, почему она назвала его Ролли, встал со своего места: «Она так спешила, что я не успел даже спросить, могу ли я ее проводить?». Он взглянул в окно: уже стояли серые сумерки. Темная фигурка, закутанная в короткий плащ с накинутым капюшоном, стремительно приближалась к сторожевой вышке. До наступления ночи вход и выход из их поселения свободен. Но едва только пробьет восемь вечера, как стражники закроют тяжелые ворота, сколоченные из толстых елей.

Гилни успела как раз вовремя. За ее спиной четверо стражников потянули неповоротливые створки ворот – по двое с каждой стороны. Вот лязгнул на всю округу железный затвор, и военно-торговая фактория погрузилась в ночь, которая сейчас, в середине мая наступала одновременно с закрытием ворот...

«Надо же, май, а еще холодно», – с неприязнью подумал Хруодланд. – Он пережил первую в этом далёком восточном краю зиму – и как признался одному из офицеров фактории: «Я нигде не видел такой зимы!» Судя по картам (и да и по времени захода солнца тоже) здесь та же широта, что и на СевероЗападе! Но те земли находятся в несравненно более мягких условиях!

И его мысли перенесли в недалекое прошлое. Помнить-ся, во время своего визита на Север ему пришлось остановиться на заставе у Моста Арок через северную реку. Но местные жители – коротышки заповедного края – так и не дали ему разрешения на пересечение их границы. Что же, королевский закон суров. Он знал, что знатным летописцам разрешалось-таки пересекать границы Края малоросликов. Ведь именно там, в частных библиотеках Края, и особенно в Забрендии – у тамошних старейшин Брендизайков – хранились ценные дополнения к истории. Но видимо, он Хруодланд, выходец из незнатной семьи, не имел более значимого допуска, чем его удостоверение сотрудника почтовой службы.

Впрочем, со времени поездки на Северо-Запад прошло почти десять лет. Работа инспектора почтовой службы состоит из частых разъездов. И он еще не успел обзавестись семьей. Так случилось, что сейчас, когда иные более проворные его сверстники уже примеривают своих детей к поступлению в университеты, он наконец встретил ту, что осветила его сердце своей звездной высью... Да, он видел при мысли о ней темное ночное небо и редкие звезды... Хотя не должен был того видеть – ибо она не из Дивного народа.

Более того, Гилни не происходила из людей даже самого невзрачного пошиба вроде истерлингов или того хуже, харадцев...

Она была оркой! И сейчас умчалась в свои горы за лесом, где была укрыта орочья деревенька. Да, орки еще жили здесь, на дикой восточной окраине Средиземья! Военный гарнизон был больше озабочен самовывживанием, чтоб как можно быстрее и без особых происшествий отмотать срок службы (обычно четыре года для офицеров) и вернуться на благоустроенный Запад целыми и невредимыми. Поэтому особых зачисток территории они не делали – а орки их не беспокоили.

И Гилни выдавала себя за жительницу одного из поселков местных жителей, окружавших факторию. Здешние люди были потомками части йорлингов, в незапамятные времена ушедшими далеко на Восток и почему-то смешавшимися со своими заклятыми врагами – истерлингами, кибитниками

или балхотами... Действительно, они утратили светлый цвет своих волос, но сохранили большей частью облик людей Запада. Так выглядела и Гилни. Черные волосы ее в глазах жителей фактории должны были напоминать не об орках, а об истерлингвской примеси. Благо, в окрестных посёлках истерлинггов и даже выходцев из Руна находились тоже немало. Но о деревне орков никто не знал (по крайней мере, никто из жителей горнодольской фактории). Тем более, в орочьей деревне стоял с десятков жилых домов. И все они с легкостью, как догадывался Хруодланд, могли выдать себя за истерлинггов, рунцев или даже за потомков йорлинггов.

Глаза Гилни даже не были на первый взгляд раскосыми. Впрочем, многие из здешних истерлинггов, как присмотрелся Хруодланд, и в самом деле имели такую же светлую кожу, как у аданов – людей Запада...

Так что лишь он один во всей военно-торговой фактории знал эту страшную тайну: с ним, представителем Запада дружит девушка, даже не из младшего народа людей, а из проклятого племени орков!

Его самого уже перестала ужасать эта мысль. Тем более внешне Гилни никак не походила на мрачные описания орков войн прошлых тысячелетий.

Но перед тем, как безоглядно броситься в пропасть любви, она рассказала ему тайну их мира... оказывается, Гилни была еще и пророчицей! А по уровню владения историей Средиземья она была, по крайней мере, на уровне лучшего

выпускника столичных школ!

Где маленькая орка успела приобрести такие знания, Хру-одланд еще не успел вызнать. Но гораздо более его беспокоили знания Гилни о будущем... Вот что вряд ли найдёшь в королевских архивах – кроме смутного упоминания, что Королевство в его нынешнем виде продержится сто поколений после Войны Конца Третьей Эпохи.

2. Рукопись Роланда. Фактория Мантраорна

18 мая 2651 года Четвертой эпохи.

«Прекрасная орочья дева... В этих словах есть что-то кощунственное и оттого столь волнующее! Я могу долго представлять Гилни: ее фигуру в черном коротком плаще, подходящую к Гостевому дому, черноволосую головку, виднеющуюся из-под скинутого легким движением руки капюшона.

Сколь долго я буду хранить в себе любовь – эту запретную любовь к той, чье имя орк, чей народ считается порождением Тьмы, нашими извечными врагами? Сама мысль о подобном чувстве к представительнице орочьего племени, казалось бы, невозможна; и всякий благородный человек – да что там, вообще любой человек, будь он даже из какого-нибудь самого захудалого племени – должен был отринуть любовь девушки орков, устрасаясь постыдного чувства к особе ниже своей человеческой природы... Да и слово «девушка» или «женщина» как-то не подходит к названию этих злобных тварей! Но в том, что орки подобны нам и по части продолжения рода, нет никаких сомнений, а значит, представительницы прекрасного пола и у них должны быть... Вот одна и привязалась ко мне: не может без меня жить, навещает почти каждый вечер.

Ничего подобного моему чувству к ней я не находил даже в самых древних и малоизвестных легендах. Да, конечно, известны орки, каким-то образом смешаны с людьми. Но ведь считается, что они были поголовно уничтожены! Да и каким путем происходило это смешение? Вряд ли что-то хорошее можно было узнать из историй этих давних дел, будь они сохранены в людской памяти... Насилие и жестокость – вот что царило тогда...

А как же орки Мглистых гор – неужели, врываясь в людские селения, они только грабили и убивали?

Я мучительно вспоминал всю историю Средиземья – теперь с нового для себя ракурса, – и не находил ничего похожего на мой случай. Вернее, на мой с Гилни случай. Всем известны красивые и величественные истории любви между эльфийками и людьми. И пусть те славные мужи прошлого были выходцами из аданов – наиболее похожего на эльфов племени людей, «общественное» мнение эльфов поначалу не могло принять такой союз. Но ведь там происходил все-таки противоположный процесс: человек – из, так сказать, «среднего народа», не столь благородного как эльфы, но и не так сильно склонного к злу как орки, – повышал свой «статус», сватаясь к эльфийке...

В моём же случае я лишь понижаю своё имя Человека. Неужели, поддавшись тайной и постыдной страсти – час от часу поглощающей всё мое существо, пожирающей мозг и душу, – я буду вынужден смешать свою человеческую кровь с

презренной оркой?.. А может, всё это лишь предрассудки и вековые заблуждения – и орки ничем от нас не отличаются?

Подобные рассуждения уводили меня глубоко за полночь.

«Мастер Тереншильд, – это метрдотель зовет меня через дверь, – не угодно ли завтрак?» Ах, вот и ночь пролетела за письменным столом... Я поднялся из-за стола, разминая затёкшие руки и ноги...

* * *

В почтовом отделении фактории местный почтальон уже сидел на своем месте. Конторщик Форту – выходец из колоний Королевства на дальнем юге, – смотрит из своей конторки невыразительным серым лицом. Он не то чтобы недоволен мной, но и не сказать, что рад моему появлению. А вот и мастер Эрнил заходит следом: он как всегда бодр и подтянут, поспешно в своей показной доброжелательности протягивает мне руку, но я знаю, что за ним всегда пустота... Его красивые речи – лишь пустая оболочка, под которой лишь равнодушие и презрение ко мне. «Истинный человек Запада» – Эрнил давно должен был покинуть такую глухую провинцию как наша фактория – форпост цивилизации среди лесов в предгорьях Восточного хребта. Но что-то держит его здесь. Заместитель начальника почтового отделения – вот его должность! Неплохо для выходца из местных йорлингов, похожих внешностью на людей Запада...

Сегодня опять не было работы. Текущая корреспонденция поступала не каждый день – да и откуда? – местные жители имели мало связей с Королевством. А опись отчётов я завершил уже на прошлой неделе. Скоро приближался срок моего отбытия в метрополию...

Посредине фактории был установлен обелиск: высокий длинный белый камень, устремившийся в небо – символ высшего предназначения цивилизации дунаданов. Я разглядывал пейзаж в окне, откуда виднелась небольшая площадь, в центре которой и высился этот монумент. Деревянные здания, окружающие обелиск, необычайно с ним гармонировали. Но сочетание было странным: словно в дикий край, еще не вышедший из сна деревянных строений, внедрили кусок высокой городской жизни – эту белую скалу, символизирующую сам Горный край с его прибрежными скалами Великого взморья или стройные стены городов на Великой реке Андувий. Вот только в стране Камня – Горнодоле – белокаменных зданий гораздо больше. А здесь, кроме обелиска, здания почты и Гостевого дома – сплошь деревянные строения. У центральной площади фактории стоят еще более-менее приличные дома, часто двухэтажные, с резными балками, подпирающими мансарды и балконы. А ближе к недалекой окраине, у крепостной стены – жалкие хибары, почти такие же, как в прилегающем поселке туземцев в поллиге за крепостной стеной.

Начальник почты Калимах вошел последним. Окинул

небрежным взглядом комнату и тут же вышел. «Ни здрастье, ни до свиданья» – это как раз про него. А впрочем, как ещё жить? Жалованье получает, а работы почти нет. Ведь согласно закону Объединенного Королевства, почта должна быть в каждом зарегистрированном поселении на территории Королевства – независимо от количества жителей и даже от их «качества». Ведь западников (или близких к ним по культуре) здесь почти не сыщешь – кроме стражи и части торговцев. Так что пользоваться почтой могли от силы два десятка человек...

Вывел меня из задумчивости конторщик Форту:

– Говорят, если половодье не спадёт до конца мая, сюда по реке прибудет судно. И ты, уважаемый Хруодланд, сможешь отправиться в метрополию в полном комфорте – на судне...

Конечно, путь по дороге меня не прельщал – я ждал okazji и был готов отправиться в путь с обозом, где будут везти товары и нашу почту. Но путешествие на судне по не проходимым в иное время года рекам здесь, в сердце материка, меня насторожило.

– На судне будет безопаснее... и орки по дороге не нападут, – ехидно заметил красавец Эрнил.

Я невольно вздрогнул. «Он не мог догадываться – не мог!» – убеждал я себя. Но тревога уже вошла в мою душу. «Моя милая девочка Гилни, как бы про тебя не догадались эти злые неверные люди, которых я скоро покину!» – обо-

жгла меня внезапной жалостью острая как молния мысль.

Начальник почты в затерянном краю был для нас не менее важной птицей, чем командующий гарнизоном. Кстати, шутка насчет нападения орков была явно неудачной. Как Эр-нил мог догадаться ввернуть это забытое слово – орки? Или он, в самом деле знает, кто навещает меня по вечерам?

После обеденного перерыва пошел дождь. «Если так пойдет дальше, то я, в самом деле, смогу уплыть отсюда на судне», – подумал я, ступая по лужам на немощёной площади.

В конце дня раздался звон колокола. Оказалось, что стражник на сторожевой вышке заметил судно, подошедшее к реке. До нее было около двух лиг. Ведь фактория была построена без расчета на водное сообщение – мелкая речушка царапала в иное время года днище даже плоскодонкам местных жителей, переправлявшихся на другой берег. Моста здесь не было, да и зачем он, если по реке проходит граница – восточная граница Королевства...

* * *

– Мастер Хруодланд Тереншильд, – говорил королевский посланник, чеканя каждое слово, – вам поручено оборудовать новое отделение Королевской почтовой службы в фактории Нимендрамасса. Завтра рано утром судно отправится еще выше по реке – надо спешить, пока не спал паводок. И

оно отплывёт с вами на борту.

Признаться, я никогда не слышал названия этой, еще более отдаленной, чем наша, фактории. И в самом деле, она оказалась секретной до недавнего времени. Ведь северный гарнизон находился там уже с осени прошлого года.

Дело в том, что Северное и Южное княжества сохраняли известную обособленность друг от друга. Причина и в далеком расстоянии между Ярладолом и Горнодолом, и в желаниии потомков Следопытов сохранить свою «самость». Две родственные ветви Людей Запада издавна не всегда ладили друг с другом. В своё время флот Горнодола сильно запоздал в Серебристую Гавань (когда последний князь Архедана потерпел поражение от Короля-Чародея) – иногда считается: из-за интриг горнодольцев, опасавшихся его притязаний на власть в Южном княжестве. Тем более прецедент уже был: в середине того же двадцатого века Третьей эпохи князь претендовал на корону Горнодола, но царедворцы Юга нашли тогда отпрыска боковой ветви южной династии...

Так и при колонизации восточных рубежей между двумя частями Объединенного Королевства шла конкуренция. Но поскольку королевство всё же было единым, почтовую службу решили привести из ближайшей фактории, пусть она и была основана горнодольцами. Оказывается, в прошлом году ярладольцы с севера спустились в этот край. И примерно в ста лигах выше по течению реки Митлонды построили крепостцу. Но от ближайших светлодольских поселений ее от-

деляло гораздо большее расстояние. Поэтому королём было принято разумное решение – почтовиков направить из ближайшего поселения западников, то есть из нашей фактории Мантраорна. Благо там уже имелся ценный специалист почтового дела с высшим образованием, то есть я, Хруодланд Тереншильд».

3. Короткие проводы

Фактория, основанная колонистами из Ярладола, находилась за лесом, потому колонисты в обиходе ее называли Залесской – взамен мудрёного туземного названия Нимендра-масса.

Дело в том, что фактория Мантраорна, где Хруодланд прожил почти год, находится почти на границе между равниной и густыми лесами. Но дальше к востоку протянулась гряда гор, покрытых лесом. Фактория же северян по сравнению с форпостом горнодолцев, находилась глубоко в лесах. Поэтому термины Залесская фактория или просто Залесье для нее и мест, к ней прилегающих, стали входить в лексикон подданных Королевства.

Здесь остаётся неясным вопрос, никак поначалу в рукописи Хруодланда не обозначенный: зачем Королевство стремилось расширить свои границы все дальше на Восток? Ведь экономически в том не было никакой необходимости. В пределах уже освоенных территорий были такие же густые леса, причём – гораздо ближе к основным водным артериям вроде Андувия и ближайших к нему притоков. Впрочем, речка Митлонда соединялась с бассейном Андувия системой волоков, прорытых между истоками притоков более крупных рек – обычно на возвышенностях в районе водоразделов. А в

половодье волоки были проходимы для плоскодонных судов без собственно волока – благодаря небольшим каналам, заполнявшимся водой каждую весну от стаявших снегов. Так что горнодолыцы приступили к освоению востока очень основательно. Вот только зачем? Хруодланд не раз задавался эти вопросом. Но государственное поручение, предписывающее ему немедленное отплытие в еще более восточную факторию, как нельзя лучше совпало с его искренним интересом к географии неизведанных земель, неизведанных для цивилизации Запада.

«За Восточным хребтом должна была открыться поистине удивительная страна!» – предполагал Хруодланд.

Но как быть с маленькой оркой? Дело в том, что по предварительному плану она должна была сбежать вместе с ним на Запад. Но теперь его путь изменялся в прямо противоположном направлении. Захочет ли она с ним отправиться туда, где по обычным представлениям царят лишь дикость и запустение? Где находится только одна свежее испеченная колония королевства, да и та основанная более отсталыми ярладольцами? Ведь Гилни мечтала увидеть величественные дворцы, каменные набережные городов, взморья блистательного юга Горнодола – Великое и Долгое, познакомиться с музеями, библиотеками приморских городов, побывать в Золотом дворце светловолосых коневодов...

Но теперь эти планы откладывались на неопределённое время...

Когда судно отходило, на пристани среди прочего народа виднелась и маленькая фигурка, закутанная в черный плащ. Гилни стояла отдельно от прочих, ведь ее сородичи-орки не общались с пришлыми западниками. На пристани собрались в основном поселенцы из фактории, а жителей близлежащих поселков в такое раннее утро почти не было, кроме заинтересованных лиц, промышлявших торговлей.

Торговцы, рискнувшие погрузить свой товар на судно, провожали своего подручного – маленького вертлявого человечка – полуистерлинга-полугорнодолца по имени Галм. Он отважился принять под расписку на свое имя грузы, передать их в новой фактории и вернуться назад с выручкой, чтобы затем распределить ее между скинувшимися на коммерческий груз. Неведомыми нам путями он еще вчера вечером прознал об отправлении скорой экспедиции и сумел договориться со многими торговцами и даже с парой-тройкой торгашей из местных, живших за пределами стен фактории.

На борт судна кроме Галма взяли еще кого-то из в местных истерлингов, как знающих местные языки (Хруодланд мельком заметил недобрый оскал редких зуб одного из них, что-то недоброе ему почудилось в этом, хотя это были туземцы, давно покорённый народ, могущий нам только подчиняться). Ведь этот водный путь вверх по течению был еще неизведан. Ярладолцы проникли туда сухим путем из гораздо более северных мест. А посланникам Горнодола предсто-

яло проложить водный путь и присмотреть вдоль реки места для будущей дороги – ведь половодье скоро схлынет...

4. В Залесской фактории. Продолжение рукописи Роланда

«Путь на вёслах, иногда под парусом по извилистой даже в половодье речке был скучен и однообразен. Никаких происшествий река нам не приготовила. Берега пустынные – да и что разглядишь, если на большей части пути берег с обеих сторон порос деревьями и ивовым кустарником... Я, как почтовый инспектор, чьи обязанности наступят только в пункте прибытия, сидел всё больше в каюте. Штурман же и размётчики дороги находились всё время на палубе. Но нахлынувший в середине мая холод заставлял меня мёрзнуть даже в каюте...

Наконец, на третий день пути, после двух ночевок (когда судно останавливалось на стоянку у берега) мы заметили горы, поднимавшиеся далеко на востоке. Над высокими елями виднелись лесистые вершины. Всё, как я и читал в путеводителях по Средиземью: недалеко от истока Митлонды находился Восточный хребет, вернее, ее самый ранний исток зарождался на вершине одной из этих гор. Вот только этими горами карты и заканчивалась. Что же лежит дальше на востоке?

Ярладольцы встретили нас хмуро. Несколько высоких лю-

дей в черных плащах стояли на пристани. Я окинул взглядом одноэтажные бревенчатые дома, окружённые не крепостной стеной, а деревянным забором чуть выше человеческого роста... По сравнению даже с фортом Мантраорна, всё здесь выглядело еще более убого.

«Главное, не останавливаться, – говорил мне Галм. – Надо идти и идти дальше в своей работе, пусть что-то недоделано и потом придётся исправлять. Главное: навёрстывать, не упускать время. В этих краях короткое лето. Осень почти вполнину короче западной, это я про Ярладол говорю, хотя он на Северо-Западе. А уж горнодольская осень тем паче теплее. А какая здесь зима?! Да вы сами убедились, это же Дикий Восток: здесь всё не по-людски!».

И он хитро и выжидающе посмотрел на меня. Я догадался, что Галм прикидывает, считаю ли я его в чем-то сходным с жителями «дикого востока», пусть он сейчас и противопоставил себя восточникам. Но испытующему взгляду торговца я не придал тогда особого значения.

* * *

Мы уже три недели жили в самой восточной фактории Объединенного Королевства. И, несмотря на начало лета, стали торопиться. Начальник гарнизона Залесского форта в самом начале задал напряженный темп работ: в здешних

краях быстро наступает осень, а за ней зима; надо всё успеть за пять месяцев, до начала ноября... Но потом он в лучших традициях вырождающейся знати ушёл в запой: ездил охотиться, затем ночевал неделями в лесных сторожках, изредка присылая к нам курьеров с сообщениями, что задержится ещё – для заготовки дров...

Мы уже три недели жили в самой восточной фактории Объединенного Королевства. И, несмотря на начало лета, стали торопиться. Начальник гарнизона Залесского форта в самом начале дал установку: в здешних краях быстро наступает осень, а за ней зима. Надо всё успеть за пять месяцев, до начала ноября... Но потом он ездил охотиться, ночевал неделями в лесных сторожках, изредка присылая к нам курьеров с сообщениями, что задержится ещё – для заготовки дров. Так что королевская канцелярия назначила комендантом (и единоличным управляющим всего Залесья) пожилого человека под старинным горнодольским именем Эльдакир...

Но пока мы были предоставлены сами себе... работа шла ни шатко, ни валко. Но вдруг Галм – этот истерлинг-полукровка – взял на себя функции главного распорядителя работ. Похоже, ему это было выгодно – ведь он отвечал за товары купцов форта Мантраорна, за их сохранность. А без мощных крепостных стен рушился весь их план по сбыту еще нераспроданных грузов (и надёжному хранению скупаемых местных товаров).

Судно покинуло Залесскую факторию. Оно поспешило вниз по реке – пока не схлынула весенняя вода. Скорей всего, нас оставили здесь на целый год, – подумал я расстроенно. Но именно на следующий день новоявленный комендант форта Эльдакир посвятил нас в секретные планы и мы стали размечать участки под будущий город...

«Как это? Город не предполагалось сделать даже из Мантраорны, а тут еще более отдалённое поселение – и сразу город», – подумал я. На наш немой вопрос (а кроме меня в кабинете коменданта сидело еще три человека, приплывших на этом же судне из самой метрополии), Эльдакир сказал лишь, что конечная цель пока не должна нас волновать. Главное текущая задача более чем ясна: планировать местность под постройку города средних размеров, и до осени построить внешние стены.

Тут я догадался, что это поручение могли привезти с собой мои спутники. Но с другой стороны, в эту секретную цель мог быть посвящен наш комендант изначально – еще при основании Залесской фактории прошлой осенью. А сейчас пользуясь благоприятной навигацией, прислали по воде нужную технику, опытных инженеров и рабочих, а заодно по пути прихватили и меня...

В общем, работы было непочатый край. Так что я, против ожидания, особо и не терзался мыслями о разлуке с моей маленькой оркой... не до того было.

Вначале всё было вроде просто: размётчики отмерили

квадраты верёвками, натянутыми между кольшками, вбитыми в землю. И в соответствии с какими-то своими правилами определяли, где чему быть: У получившихся прямоугольников они установили шесты с прибитыми к ним табличками. На одной значилась «Ратуша», на другом «Школа»... Затем я прочитал надписи: «Военная канцелярия», «Комитет Лесного хозяйства», «Министерство сношений с туземцами». Далее зачем-то следовала «Резиденция министра сношений с туземцами». Но еще более удивлял соседний веревочный прямоугольник: «Аппарат министерства сношений с туземцами»!

И лишь затем шли таблички: «Королевский Госпиталь», «Торговый комитет», «Управление Речного порта», «Дворец наместника»... А это что-то новенькое: неужели здесь предполагалось основать столицу королевства без короля – наподобие Ярладола, где тоже правил наместник?»

5. Венец лета

«Местных жителей здесь, в отличие от Мантраорны, почти не было. Несколько кочевий истерлингов или каких-то дальних родичей жителей Востока – кибитников, забредших с юга в эти лесные края...

Я поднимался утром позднее обычных работников... Кстати, после того, как возвели здание почты, лично у меня работы не было. Но я добровольно помогал инженерам: ходил с ними на размётку новых площадей, помогал контролировать ход строительных работ.

Вечерами у меня оставались силы на прогулки за пределами форта... К слову – с какого-то века Четвертой эпохи, для обозначения поселений в дальних южных и восточных владениях Горнодола стали употреблять слово «фактория». Оно было более емким, чем форт, крепость или посёлок, ибо подразумевало обязательное наличие органов официальной власти и управления присоединенных территорией. Те из поселений варваров, что платили дань Королевству, но пользовались самоуправлением, естественно не именовались факторией. Форт – близкое значение к фактории, ведь это название крепости, причем именно нашей, дунаданской. Но просто в крепости могло не быть коменданта и аппарата управления... Командовать ей мог и мелкий командир. А ста-

тус коменданта (в Залесье им стал, после отставки пропойцы, пожилой Эльдакир) подразумевал многое: прежде всего управление мирными жителями присоединённых земель – ибо дальним потомкам Людей Запада ставилась задача нести более отсталым народам Средиземья свет высокой культуры. А задача эта тем легче поддавалась выполнению, если в поселении присутствовали люди, которые должны официально отчитываться по распространению культурного влияния. Потому многие жители окраин стали говорить на Всеобщем языке, более того, он стал для них родным.

Но что стояло за стремлением властей «нести свет цивилизации» еще дальше на восток? Причем в края, гораздо более холодные, чем земли, прилегающие к северному течению Андувия, земель Медвежатников, Зеленолесья и города Ясгард на Долгом Озере? Там не так уж и холодно, сравнительно, конечно, с зимой, проведённой мной в Мантраорне – поскольку бывшее Лихолесье не так уж и далеко находится от Западного океана; да и теплые ветра с юга через равнину Андувия смягчают климат даже в Ясгарде.

Итак, наши два военно-торговых поселения были основаны в местах, неизвестных всем прежним летописцам и путешественникам Средиземья. Им и в страшном сне не могла присниться долгая зима с ноября по март – столько она длится каждый год в Мантраорне, а вовсе не раз в несколько сотен лет наподобие Долгой зимы Третьей эпохи, известной по летописям коротышек, когда в их долину вторглись белые

волки...

Я стал приходить к выводу, что Западу Средиземья угрожала какая-то огромная катастрофа. И поэтому очаги западной культуры наши власти решили разбросать как можно дальше – даже на малопригодные из-за суровой зимы восточных окраинах известного нам мира... Кстати, даже внутри стен этой фактории виднеются синие склоны Хребта, которым на востоке заканчивались самые подробные карты, когда-либо составленные королевскими учеными. Особенно заметна одна из гор: большая сопка, у которой как будто срезанная плоская вершина...

Но я отвлекся... Как я уже сказал, мне стало привычно совершать вечерние прогулки за пределами нашего строящегося форта – вернее, будущего города. Мне нравилось наблюдать, как постепенно сгущаются краски дня, как темнеет трава лугов, окаймлённых сенью высоких темных лесов, подступающих к площадке, вырубленной вокруг форта.

Уже не различить зелёного цвета – но небо на западе еще светлое... И вот гаснут последние заревые облака, а время около полуночи... такие короткие здесь ночи в конце июня – на географической широте Края Коротышек. Хоть одно это радует, пусть зимой несравнимо холоднее. Чувство сопричастности к благоустроенному Северо-Западу, к одинаковому с ним времени захода и восхода солнца – воодушевляет. Испытываешь чувство гордости за край, которому, как вид-

но, предстоит стать для меня родным.

Итак, однажды, в самом конце июня, я прогуливался по зеленому лугу – вдоль кромки леса. Я бросил взгляд назад: за деревянным частоколом, ограждавшим нашу факторию, виднелась башенка, пристроенная наподобие мансарды над крышей Управления – это я уговорил построить нечто, заметно возвышающееся над фортотом: пусть временное – из дерева, но высокое строение. Следующей весной ожидалось прибытие мастеров по камню, так что надо было организовать доставку камня из гор. Нужно было разведать новые каменоломни – желательно вот в этом Хребте, возвышающемся к востоку... Но смотрел я сейчас на запад: над лесами еще виднелась светлая полоса закатного неба. Неожиданно я заметил – или мне почудилось? – в тени между первых деревьев леса мелькнула темная фигура. Я остановился как вкопанный. До леса было не более десятка шагов. И я на фоне еще не совсем потемневшего луга был хорошо заметен – отсвет уходящего заката, очевидно, делал меня легко уязвимым для лесного путника.

«Роланд – это ты?!» – услышал я слова из лесной чащи... так называть меня могло лишь одно существо во Вселенной – моя милая Гилни!

Орчанка бросилась мне навстречу, и я сжал ее в объятьях...

Она предложила бежать мне из фактории той же ночью. Но не на запад, а на восток. Я вернулся обратно в форт – но лишь затем, чтобы взять продукты и дополнительную одежду. Гилни приехала на пони. Она привязала его на опушке леса. Дождавшись сумерек, она встретила меня на краю леса, вне видимости дозорных форта.

Причину же нашего столь поспешного исхода на восток она объяснила лишь вкратце, обещая по время путешествия рассказать больше. «Мир гибнет, – говорила она. – От Средиземья, от Объединенного Королевства, даже от Всеобщего языка не останется ничего! – умоляюще убеждала она меня. – В лесах и полях будут жить люди, говорящие на других языках – сейчас их родственники живут далеко на востоке и на юге. Мы должны, мой милый Ролли, должны ехать далеко на восток. Только так мы сможем, хотя бы в словах, сохранить память о бурном прошлом нашего мира!

Я догадался, что ее поспешное бегство связано с Перципиентом – нашим Воспринимателем из Будущего. Но не стал переспрашивать и заспешил обратно к деревянным воротам форта».

6. Путь через горы

«Стояла уже середина сентября. Наступила ночь, и мы зажгли костёр в горной пещерке. Скромный ужин – из зажаренного над костром перепела, подстреленного на закате моей орчанкой – и мы отдыхаем после долгого дневного перехода. Третий месяц мы держим путь на восток, и еще один горный хребет встал у нас на пути. Сегодня мы карабкались по его западному склону, но назавтра должны перейти вершину и начать спуск в котловину: Гилни говорила, что там еще тепло и солнечное лето иногда задерживается до середины октября. Слава Единому – суровая зима востока пока еще настигла нас!

Сидя на кошме, я вспоминал, как мы убегали ночью из Залесья. В долгих сумерках июньского вечера я вернулся в форт, но вскоре прокрался обратно к закрытым воротам и сказал привратнику, что забыл сумку в лесу...

Мне пришлось совершить побег, так как комендант все равно не разрешил бы мне уйти далеко на восток. И когда?! В разгар работ по благоустройству будущего города...

На опушке же леса оказались привязаны два пони – Гилни специально взяла второго пони для меня.

Мы неслись вскачь, через леса. Когда рассвело, мы уже были в предгорьях Срединного Хребта. Но едва различили

мая древняя дорога упиралась в нагромождение скал разной формы... Пони могли переломать ноги, так что пришлось отпустить их и взвалить на плечи тяжелый груз – кроме еды, мы несли свёрнутые меховые кошмы, прихваченные Гилни из своей орочей деревни. Эти одеяла орочей выделки предназначены специально для походов – для ночевки под открытым небом. Хотя лето, но ночи могут быть холодные, особенно в горах. Кошмы, как я убедился, и в самом деле очень теплые.

Перевалив с трудом через хребет, мы вышли на земли, неизведанные людьми Запада: перед нами расстилалась равнина, конца которой не было видно. И больше двух месяцев мы скитались по широким степям, перемежаемых рощами деревьев. К югу мы видели многочисленные озера, иногда казавшиеся морем. Так что трудностей с питьевой водой мы не испытывали... – к этим озерам текли ручьи, которые мы легко переходили вброд, другие же ручьи несли свои воды на север – наверняка, это были дальние притоки могучих рек. Через реки покрупнее мы переправлялись на плотах, связав несколько молодых деревьев, срубленных легким топором, которым мы обычно рубили хворост для костров.

Станным было то, что мы ни разу не видели людей. Казалось бы, поля через которые мы продвигались, позволяли без труда находить себе пропитание – но они были лишены всяких признаков обитания человека...

Я с тихим умилением вспоминаю летние месяцы, которые мы провели, пусть и в трудном пешем походе, но, не страдая ни от холода, ни от недостатка пищи. Пospевшие к августу плоды яблонь, слив и прочих плодовых деревьев, растущих в лесных оазисах, раскиданных среди этой плодородной степи, – дополняли наши роскошные трапезы из свежей дичи. Гилни оказалась хорошей охотницей: лук, оказавшийся притороченным к седлу ее пони сослужил ей хорошую службу. Она была, в основном, мелкую живность. Косуль и прочих парнокопытных Гилни жалела... – какая же она после этого орка, пусть ее предки и славились своей кровожадностью?

Сейчас же мы, наконец, перешли эти широкие степи. И вот наше пристанище в горах...

Гилни вывела меня из задумчивости – она подобралась поближе ко мне, обойдя затухающий костер, и устроилась на коленях прямо напротив меня, подложив под них охапку трав, сорванных для привала. После еды ей стало жарко, и она сняла черный плащ, оставшись в сером платье с неровным подолом, оборванным снизу до колен для удобства долгого пешего похода. Не сводя с меня пристального взгляда своих черных глаз, она стала говорить:

– В конце Алой Книги было предсказано, Ильдарион, сын Великого короля Елисара станет править великим королевством, которое простоит сто поколений людей; и что от него произойдут короли многих королевств грядущих дней.

Я молчал, не зная, что сказать. А прекрасная орчанка продолжала:

– У нас великий выбор: мы дети народов, разделённых тысячелетней враждой. Но сто поколений минуло. Мы должны соединить нить времён. И прежний мир гибнет – мир цивилизации, пришедшей с Заокраинного Запада.

Я думал... я восторгался своей орчанкой... А она неутомимо говорила еще что-то:

– Мы еще не дошли до крайнего востока, где живёт Перципиент.

Здесь меня захватила новая мысль, и я удивлённо спросил:

– Ты говорила, что он воспринимает твою информацию лишь мысленно, вернее на уровне чувств... Зачем же нам идти на место его будущего проживания? Ведь если время проницаемо для передачи мыслей, то разве расстояние может иметь какое-то значение? Я скорее слышал о случаях передачи мыслей в пространстве, чем о сообщении между разными временами...

– А как ты думаешь? Ролли, нам легче передать наши мысли вдвоем, причем именно на том месте, где он будет жить через четыре тысячи лет. В той местности должен остаться след наших мыслей и чувств: в камнях, на земле, склонах холмов, что он видит каждый день...

– Вот как, – протянул я. – Но путь туда так утомителен! До его будущего дома еще не меньше месяца, а то и двух. Боюсь, мы не успеем до зимы...

– Иногда зима наступает и в середине ноября, – поправила она меня.

– А ты думаешь, мы будем идти дальше пешком? В лежа-

щей впереди долине живёт могучий, но приветливый народ. Они отличные наездники. У них мы и попросим лошадей...

– Гилни, вспомни переход через Восточный хребет... кстати, он оказался Срединным. Из-за того, что мы выбрали неудачное место для перехода через горы, пони пришлось отпустить. Поэтому мы выбиваемся из графика: сбегая из Залесья, ты обещала дойти до Приветливой Долины всего за месяц – но конным ходом...

Гилни отсела назад на свою кошму и обхватила свои колени руками, затем стала беспокойно теребить подол своего платья:

– Карты опять наврали... В этом мире еще не изобрели инструмент для определения долготы места... Для этого нужно точно измерять время, поэтому карты Средиземья либо растянуты с запада на восток, либо – наоборот стянуты, как мы и видим...

– Но с проходом в Восточном... то есть Срединном хребте мы ошиблись по другой причине – широта местности подвела. И никакого удобного перевала мы не нашли. Ведь высоту солнца определять гораздо легче, – возразил я.

– Карты составлены вашими же горнодольскими учеными! – воскликнула Гилни.

– А почему твои орки карт не составляют?! – вскричал я в ответ... и осёкся. Я слишком любил ее, чтобы мог лишний раз попрекать Гилни ее происхождением... Тем более, она привыкла выдавать себя за человека...

Дабы исправить свою оплошность, я поднялся с насиженного места и подошёл к девушке. Приобнял ее. Головка Гилни легла мне на плечо, и я почувствовал, как она вздрагивает в беззвучном плаче... Я всё-таки обидел ее. Да, она всегда хотела быть человеком... Да и была им – по духу. Я не никогда не видел в ней ни одной черты, присущей оркам: ни грубости, ни хитрости, ни коварства, ни лжи... Впрочем, такие черты характера нередко присущи и людям... Как описано еще в Приложениях к Алой книге – в характеристике орков – они злые не более, чем некоторые люди...

Признаться, я немало настрадался в жизни от таких людей... И уж лучше связать свою судьбу с оркой, чем жить с одной из тех мерзких созданий, называемых людьми!

А Гилни прижималась ко мне всем телом. Ей пришлось томиться целый день в непростом пешем подъеме в предвкушении вечернего наслаждения: теперь же моя милая орка брала своё...

Да, беременность во время трудного пути нам была явно не ни к чему... Моя мысль через цепь ассоциаций перескочила на детей от подобных браков и далее на срок жизни: людей, эльфов и орков...

До этого я особо не задумывался, сколько лет живут орки. Я читал рассуждения, что они могут жить долго как эльфы – раз уж по одной из версий произошли от них, пусть и путём Искажения Морготом... Но скорей всего – даже если орки и могут жить дольше обычных людей, – из-за этого Искажения

бесконечный для людей срок жизни эльфов (до десяти тысяч лет) мог существенно укоротиться...

Задумавшись, я невольно освободился от объятий Гилни. Она удивлённо воскликнула: «Ролли, не отпускай меня...». Так что я был вынужден прервать свои размышления. Спросить о сроке жизни орков прямо сейчас я уже не мог – второй раз за вечер задевать ее не стоило...

Я опустил на колени у гаснущего костра – пахло теплым дымом, кружилась зола.

– Ты мое сокровище, – говорила она. – И знаешь, мы будем вместе... всю жизнь!

В отблесках гаснущих сполохов костра она легко толкнула меня в грудь, откинув меня назад. Моя спина коснулась мягкой охапки травы, укрывающей каменистый пол пещеры (которую она бросила туда в начале нашего разговора, чтобы сесть передо мной на колени), а голова опустилась на край моей кошмы.

– Когда мы будем жить в тихом домике, – начала мечтать Гилни в горной пещерке за окраиной известного нам мира...

Но иные, более значимые в судьбах мира события требуют тщательного своего восхваления. Перехожу к описанию следующего дня, ибо принёс он нам много нового и неожиданного...

Что там, дальше на востоке? Ответ на эту загадку был так близок, а Гилни – явно что-то знавшая о маршруте нашего

путешествия – лишь загадочно молчала...

* * *

Следующее утро было радостным и солнечным. Я словно освободился от тяготившего меня давнего наваждения...

Неожиданно быстро – еще до полудня – мы перевалили-таки за вершину хребта. И нашим взорам открылась долина, окутанная утренней дымкой.

Уже примерно в три часа пополудни жители ближайшей деревни заметили, как со стороны гор шли две фигуры: мужская и женская в развевающихся на ветру одеждах.

В Приветливой Долине жил и вправду приветливый народ...».

7. Солнечная Котловина

«Земледелием занимались здешние скотоводы с незапамятных времён: летом одни роды кочевали (чтобы к зиме вернуться в свои поселения, окруженные каменными стенами), а другие жили в этих крепостцах – занимались ремеслом, следили за посевами ржи, пшеницы... Кое-где были прорыты каналы, орошавшие поля, быстро высыхающие под жарким солнцем... Здесь и стала ясна причина того, почему в горах Восточного (или как его и в самом деле называли саки Срединного) Хребта, мы так и не нашли низкого перевала. Оказывается, еще полвека назад в горах был сильный обвал – из-за землетрясения. В Котловине удары подземных сил были не ощутимы – но землетрясение пережили дальние охотники племен саков, находившиеся на западе равнины пролегшей между Срединным Хребтом и горами Котловины... Скалы, нависшие с обеих сторон над перевалом, обрушились вниз и изменили местность до неузнаваемости. Так что мы зря грешили на королевских картографов, исходивших все окраины известного тогда Средиземья. Проникнуть за горы, по всей видимости, им не удалось, но горы и самый удобный перевал через них они нанесли на карту совершенно точно. Я и в самом деле припомнил, что наш путь тогда был особенно труден из-за каменных обломков разной фор-

мы – так что, убедившись в невозможности для пони подъема по скалам, мы отпустили их на волю, надеясь, что они вернутся обратно, к Залесской фактории...

Мы шли по зелёной равнине. Вдали виднелись дома, а рядом с ними желтое поле – оказалось, что это спелая пшеница... А вот и люди: пятеро крестьян в белых рубахах смотрят на нас, заслоняя глаза рукой от яркого послеполуденного солнца...

Орка, подойдя ближе, приветливо улыбнулась и заговорила с ними на языке истерлингов. Те отвечали ей что-то... Гилни понимала не всё, но многое. Оказалось, что эти люди, свиду похожие на роханцев и такие же светловолосые – говорят на языке, похожем на язык истерлингов! Да и сами саки, как я понял, были полукочевниками... Шёл сенокос, ведь стоял сентябрь. Скоро поспевали хлеба и сакам предстояло еще много работы.

Подступал вечер, и мы решили не идти вглубь долины, а остановились в ближайшем доме, хозяин которого согласился нас приютить. Это был дощатый домик земледельца. Кочевая же часть народа саков летом жила в круглых войлочных домиках, которые издали мы приняли за белые полусферы куполов... Но зимовали кочевники в городищах, где стояли теплые срубы из бревен, повторяющие формой их летние многоугольные шатры.

Угощали нас кисломолочными продуктами разных видов: одни были твердыми вроде сыров, другие же кислые напитки приятно утоляли жажду после перехода под жарким солнцем долины.

На сенокосе были одни мужчины, ибо их дома находились еще в дне пути отсюда к востоку, в центре Котловины... Далее, как я понял, опять вставал стеной горный хребет, изогнувшийся отсюда огромной дугой...

На следующий день мы пришли в нечто вроде столицы людей, живших в Котловине. По окраинам этого поселения стояло много белых круглых войлочных домов... Ближе к ставке правителя, начинались деревянные и каменные дома. Далее следовала каменная стена высотой в два человеческих роста... Видимо, саки решили удостоить нас вполне официального приёма... Гилни приветливо улыбаясь, общалась с нашими провожатыми. Итак, под такой почтенной стражей, из трех вооруженных воинов, нас провели к главному вождю. Доспехи их были, как я отметил, весьма отменного качества – сияли на ярком солнце до блеска начищенные шлемы и наконечники копий.

За каменными стенами на удивление стояли праздничные шатры из белого войлока. Но посреди их возвышался Дворец правителя – довольно большое сооружение из смеси камня и деревянных балок... К главному входу вела широкая

длинная лестница. По ее сторонам стояли также празднично вооруженные воины. Длинные светлые волосы выбивались из-под шлемов. Нас провели по лестнице и мы вступили в огромные покои: они были темные, ибо окна оказались забраны решетками, в которые были вставлены темно-синие кусочки слюды. Вступив под эти своды из яркого солнечного дня, мы погрузились в приятную прохладу и умиротворение...

В дальнем конце зала я увидел трон. Его занимал человек, одетый в длинную хламиду – насколько мне удалось разобрать издали в этой полутьме.

Подойдя ближе, старший из воинов вышел вперед к своему правителю и, приложив руку к груди, что-то громко сказал. Гилни ступила на шаг вперед и начала говорить на языке истерлингов. Но вот раздался голос мужчины, восседавшего на троне:

– О, прекрасная гостья нашего Дворца! Говори на языке своего спутника, ибо он не понимает наших речей...

«Неужели правитель этих кочевых саков бывал на Западе?» – пронеслись мысли в моей голове... А тем временем он обратился ко мне:

– Твоя спутница обратилась ко мне с дельным предложением. Но нам неудобно будет разговаривать на таком расстоянии. Пройдёмте в трапезницу.

И воины проводили нас в соседний покой. Через всю длинную комнату – где был уже не такой высокий потолок

как в тронном зале, – тянулся длинный стол.

Мы сели сбоку на лавку. За нами зашёл и Правитель, и сел за стол напротив нас. Сейчас, при дневном свете, свободно заливающим трапезную из больших открытых окон, я внимательно разглядел его. Это был человек плотного телосложения – лет сорока или пятидесяти на вид – с круглой головой. В отличие от своих подчиненных волосы на его голове были когда-то темными – ибо большую ее часть занимала плешь – лишь на затылке я заметил короткие тёмные пряди...

– Мое имя Аринарх, почётные гости. Я наместник этого края скотоводов. Я занимаю трон нашего короля, покуда он не вернётся с юга... Я знаю, вы прошли широкие степи. Не удивляйтесь, мои лазутчики умеют наблюдать за всем на расстоянии сотен лиг отсюда за пределами нашей благословенной Котловины, не привлекая к себе внимания. Мы уже давно знаем, что к нам идут необычные гости... – Аринарх немного помолчал, словно приглашая нас к ответу.

Первой ответила Гилни, прижав ладонь к своей груди:

– Досточтимый правитель сего благословенного края! Благодарим за оказанный нам приём, достойный более могучих и знатных гостей. Пристало ли нам – простым людям с запада, удостоиться чести приема самим правителем сей долины?

– Я знаю, – и лицо правителя помрачнело, – что ваши соплеменники, – тут он посмотрел на меня, – строят новые поселения у самого Срединного Хребта! Причем, судя по объ-

ему работ, в следующем году там ожидается прибытие большого количества людей...

– Досточтимый правитель! – ответил я, с трудом соблюдая архаичный стиль. – Мне и самому неведом смысл подобных работ. Но прибыли мы сюда не как послы нашего мира Запада. Хотя и во имя его спасения...

– Когда-то выходцы с Юга пришли в северные земли и с нашими предками повели дружбу. Так появились саки и другие народы Великих равнин, через которые вы недавно прошли. Но нас стало много – и наши родичи ушли на юг. Наш язык смешанный, язык же нынешних истерлингов есть лишь производная от языка саков. Те истерлинги, которые нападали на Горнодол в Третью эпоху, были иным племенем. По крайней мере, по языку... Но мы знаем: нет места нашим родичам на землях Юга! И все их помыслы устремлены на Запад!

Мы с Гилни молчали. Нам оставалось лишь рассказать то, что мы знали. Но что мы знали? О тайной политике Королевства – почти ничего. А наши тайные прозрения о будущем – они были слишком необычны, чтобы так сходу их рассказывать! Чего доброго, Гилни примут за колдунью... Но кстати, именно этими необычными видениями будущего мы и могли порадовать этого человека...

Первой опять отозвалась проворная Гилни:

– Я знаю, правитель, что ты боишься Запада... Ибо там

правят могучие наследники Великого Короля, почти три тысячи лет назад сокрушившего Тьму. Но послушай: время Старого Запада уходит... Придут такие люди как вы. Ваши потомки станут новым Западом!

Аринарх сидел как громом поражённый. Я видел его смятение, отразившееся на лице. Затем, словно после бури, его лицо прояснилось, и он медленно произнёс:

– Хорошо. Вы останетесь в этом Дворце и опишите всё, что знаете... Мои опытные летописцы запишут всё с ваших слов.

– Послушай, Правитель, – раздался звонкий голос Гилни, – ты забываешь, что у нас своя миссия. Мы идём на Восток, чтобы найти то место, где через четыре тысячи лет будет жить наш... тут она замешкалась, чтобы подыскать замену нашему слову «перципиент», наверняка незнакомому Аринарху, могущему говорить лишь на древнем варианте Вестрона, избылиующему архаизмами, и вряд ли знакомому с утончёнными изысками грамотеев Королевства...

– Ваш «восприиматель»? – сказал Правитель за нее. Да, слово он подобрал подходящее, выведенное из простого языка; настораживало только то, что мы его с Гилни уже употребляли. – Он действительно будет жить еще дальше к востоку от моих земель. Но вам туда не пройти. У меня хорошие условия. Тем более скоро начнётся настоящая осень, которая продлится не более месяца. А зимой вы там не выживете... Оставайтесь здесь. Вам создадут все условия. А вес-

ной вы под нашей охраной снова отправитесь в путь... Дальше на восток.

* * *

Прошёл месяц. А тёплая осень словно и не собиралась уходить из Котловины: погода стояла похожая на горнодольскую весну.

Нам отвели покой во дворце Правителя. В нашей опочивальне была светло-синяя побелка на стенах, казавшихся оттого каменными. Но мы знали, что дворец построен из смеси деревянных балок и камней. Поэтому в нашем крыле, где жили почетные гости и приближённые правителя, дерево было основой всего. Уюта и светлой умиротворенности добавляли округлые своды – стены нашего покоя заканчивались не под прямым углом, как в обычных жилищах истерлингов и эорлингов, а приятным глазу закруглением. Строители Дворца не жалели сил на отделку...

Мы с Гилни любили подолгу гулять по лесу. Здесь все леса считались безопасными – ведь их почти со всех сторон окружали горы, изогнувшиеся огромными дугами вокруг Котловины. А разведчики отважного племени саков надёжно стерегли горные перевалы и проходы между хребтами...

Листья на части деревьев были даже зелеными – хотя октябрь давно окрасил их большую часть в желтый цвет и сбросил

сил листву на землю. Но в подветренных местах – около скал или высоких зданий – тополя зеленели; разве что листья стали ломкими из-за ночных заморозков. Такие же зелёные, почти летние лиственные деревья встречались нам и в глубине леса. Вот берёза, а вот опять тополь... Я уже привык, что в степях, вернее, в тамошних лесных островках – росли в основном сосны и ели, а лиственные деревья встречались редко, обычно узкой полосой, от которой мы забирали то к северу, то к югу, ища среди изгибов рек удобные места для бродов... Но в лесах Котловины деревьев Запада было гораздо больше. Они росли здесь плотной толпой, а хвойные деревья встречались чаще на склонах гор.

Гилни теперь была облачена в одежду местных женщин: длинное льняное платье со скромной вышивкой по краю подола и вдоль выреза у шеи. Длинное платье стройнило ее, делая выше, и лишь тёмные волосы выдавали в ней чужестранку.

Однажды, в этом всё еще тёплом лесу, мы набрали на деревянный домик – верно, сторожку лесника...

Из-за этого неказистого строения вышла женщина в белом воздушном платье. Широкие рукава ее развевались, хотя ветра почти не было... Было ей лет тридцать пять или чуть более того...

Взмахом руки она пригласила нас подойти поближе. Мы с Гилни словно зачарованные подошли к самой сторожке.

Женщина еще одним движением руки пригласила нас зайти в темную дверь. Нам нечего было ее опасаться – она одна, причем почти в центре владений саков...

Внутри оказалось неожиданно уютно – словно и не в сторожку мы вошли, а в дом зажиточного крестьянина. Хотя всё убранство этого жилища, если приглядеться, было довольно просто. Стол, три кресла, топчан. На столе крынка с медом...

Женщина заговорила – неожиданно на довольно чистом Вестроне:

– Дорогие гости! Мое имя Кавалиенна. Юный посланник Запада! И ты его смелая леди! Смело идите по избранному вами пути...

Я был уже не юн, но из-за своей юношеской стройности до сих пор казался почти мальчиком. Когда-то давно в Средиземье жили эльфы – может и во мне сохранилась капелька их крови? Но сейчас от них остались лишь тени в темных лесах – их дух за долгие тысячелетия должен был окончательно развоплотиться...

А женщина... волосы ее были светлые – но чем-то она отличалась от жителей этой долины. «В Котловине у людей не такие проникновенные глаза... Кажется, у женщины они чуть раскосые, или это только чудится?.. Но оттого черты ее лица выглядят еще более тонкими и одухотворёнными», – вникал я в суть лесной отшельницы. Но пока мы слушали ее

слова:

– Я знаю о вас – но не более, чем весенний дождь знает о лугах, ждущих его влаги; не более, чем лесной олень знает о смене времен года, когда ему придётся менять рога...

Ее речь была очень плавной – будто поток ручья лился меж камней:

– Смелый рыцарь, ты дал себя похитить твоей даме сердца. Ибо её направляла любовь. А любовь это и есть предназначение природы. А Природа ведёт мир в одном её ведомом пути. Но он не слеп – этот путь. И я уверена: раз вы здесь, этот мир не погибнет до конца. От него останется история вашей любви... Я уже знаю, как переправить ваше послание к вашему Воспринимателю в будущие века...

А пока послушайте предания об этом мире. Ибо прошлое восточных заокраин Средиземья никогда не было ведомо людям Запада...

Мы пришли сюда давно – с еще более далёкого востока. Пока жили здесь, изменились. Волосы и глаза наши посветлели... ведь прошли десятки тысячелетий, пока мы жили в этих лесах. И язык наш почти не менялся с тех пор – в то время как языки наших потомков менялись всё сильнее. Вот и язык здешних саков уж совсем не походит на своего предка, кроме отдельных очень редких слов, тем более у него не один предок – люди юга стали говорить на языке наших братьев и исказили его. И ты, Гилни, уже знаешь это – Правитель сообщил мне о твоих пророчествах...

И Кавалиенна полупроизнесла-полупропела строчку какой-то древней песни – или заклинания... Глаза её подернулись туманом, словно в них застыла тоска прошедших веков, проведённых среди густых лесов. И неожиданно я, как ученый человек Королевства, узнал звуки древней эльфийской речи, читанные ранее только в книгах...

Кавалиенна, закончив свой мелодичный речитатив, встрепенулась, посмотрела на меня, словно ответив на мои мысли:

– Да, ты прав, это почти квенья – высокая эльфийская речь. Но нас нет. Люди – носители языков, более всех похожих на наш, живут в лесах и степях к северу от этих мест. Они разбредутся на две ветви; западная ветвь их языков, как самая многочисленная, доживёт и до времени Воспринимателя, ведь они уйдут дальше на запад и к северу... От восточной же ветви останутся лесные и горные племена, коих уже сейчас очень немного, а будет столько, что почти все они потеряют свой древний язык. Но потомки наших ближайших родичей на западе, конечно, ничего не смогут ему передать, кроме разве что звучания своего языка, чья напевность будет напоминать квенья. До поры Воспринимателя доживут и такие как я – но уже совершенно развоплощённые. Редко кто из живущих на Земле людей сможет узреть их внутренним взором. И дабы кто-то смог узреть – может даже и он сам – вы должны пройти подготовку... под моим наставлением.

Волшебница Кавалиенна, закончив свои объяснения,

смотрела на нас долгим благожелательным взглядом. Словно угадав мои опасения, она успокоила:

– А то, из какого народа твоя спутница, путь тебя не беспокоит, о благородный рыцарь, – (почему она меня упорно называет рыцарем? Ведь я не принадлежу к числу благородных семейств, иначе не мотался бы по дальним гарнизонам, получая, верно, десятую долю жалованья иного чиновника). – Твоя спутница будет верна тебе. А это самое главное. Ваша жизнь и любовь останутся в памяти этих холмов, этих рощ. Я позабочусь. Вам всё равно некуда идти. Если они узнают, что ты бежал с оркой – расплата будет неминуема.

«Действительно, – думал я над словами волшебницы, – я человек штатский, вольнонаёмный. Так что строгого выговора за дезертирство не будет. Но за брак с оркой меня, возможно, ждёт гражданский суд. Наверное, Ернил давно выведал, с кем я встречаюсь – вот что значили его якобы случайные намёки о нападениях давно замирённых орков».

* * *

Начинался ноябрь. На отдельных моложавых тополях всё не сходила зелёная листва – только листья ещё больше пожухли и стали совсем сухими и ломкими. Особенно много таких зеленолистных деревьев стояло в рощице, где жива наша добрая колдунья.

Занятия шли уже третью неделю. Особых изменений мы не ощущали. Кавалиенна вела с нами занятия и не очень то-ропила. Но с ее слов мы знали: в нас копится сила.

К середине ноября Гилни стала ощущать лёгкое беспокойство. И я тоже. Мы свободно выходили на прогулки за пределы Цитадели саков. Хребты отделяли нас от внешнего мира, правда, их окружение не было полным. Но, как я писал ранее, проходы между ними контролировались разведчиками Аринарха. Тем удивительнее были увиденные нами трое всадников – явно не сакского вида...

Вот как это произошло...

Однажды в обед, когда солнце еще не успело прогреть осенний воздух, застывший с ночи, мы направились с Гилни в свой лес – к домику волшебницы. И сквозь голые ветви деревьев – а нам было еще далеко до центра рощи, где стоял домик и зеленели неопавшей листвой тополя – мы увидели всадников... Прятаться был поздно – их было трое и они уже заметили нас. Всадники подскакали ближе. На всех троих свисали коричневые балахоны. Но лишь на голову одного из них был накинут капюшон. Головы остальных покрывали войлочные шапочки, похожие на остроконечные уборы истерлингов. И в одном из них я узнал лицо торговца Галма! «Что эта торгашеская крыса делает здесь, в краю свободных людей?» – пронеслась у меня мысль...

– Ну что, любитель орков, попался?! – ехидно воскликнул Галм.

А его спутник – чуть постарше торговца и по виду тоже истерлинг, злобно ощерился в сторону Гилни:

– Ну что, поиграла...? – прошипел он сквозь редкие зубы. – Вы, орки, всегда будете ниже нас, людей, – сказал он ей на Всеобщем языке с заметным акцентом. При этом я отметил, что Гилни на Всеобщем говорит гораздо лучше этого выскочки из младшего людского племени.

Третий же всадник, откинув капюшон, вдруг закричал звонким голосом:

– Ирга, прекратить пошлые шуточки! Честь офицера Горнодола не позволяет говорить такое даме!

– Какая это дама? Это орка! – закричал Ирга и тут же получил от молодого офицера удар плёткой по спине...

– Зря обижаешь, начальник. Орка она и есть орка – суть презренное племя. Она хоть и девка, а вражье отродье...

– Сказал же, Ирга, прекратить!

Но тут отозвался Галм:

– Послушай, мастер Ромендил! Человек дело молотит. Орка – она и есть тварь самая на Земле злейшая, если, конечно, балрога не встретите...

Я, услышав древнее горнодольское имя Ромендил, вспомнил молодого ярладольца из гарнизона Залесья... Близко с ним я не успел сойтись, но, судя по одёргиванию им зарвавшегося Ирги, это должен быть неплохой человек, по воспи-

танию – истинный дунадан. Не знаю, как повел бы себя на его месте Ернил: хватило бы замначальника почты лоска и поверхностных благородных привычек, чтобы поставить на место циничного истерлинга? Но молодой офицер был на своем месте:

– Галм, я же просил вас, при мне не выражаться! Молодотить можно только зерно после сбора урожая...

Галм ухмыльнулся:

– Воля твоя, начальник, но орку надо сразу убить. Они же не люди. Что она нам? А вот почтальонишку связать – и на запад. – И обратился ко мне, – или сам на коня сядешь?

– Гилни пусть едет со мной! – твердо сказал я. – Или убейте меня вместе с ней, – добавил я, сглотнув слюну.

Должно быть, мой тон показался Ромендилу не в меру пафосным и, улыбнувшись, он сказал:

– Галм, не пугай его так. Орка сядет к Ирге за спину.

– А почтовика ко мне, что-ли? Ну я-то за себя не беспокоюсь – товарищ мой бывший по работе в форте, как-никак, пусть и в немилость впал. А за девку не ручаюсь, на первом же привале Ирга ее... или во время скачки сподобится... ну не убьет конечно, а того самое... – и торгош глумливо рассмеялся.

– Я вижу, девушку вам доверять и в самом деле опасно – пусть сядет ко мне. А мастер Хруодланд, – и офицер, прижав ладонь к груди, чуть поклонился в мою сторону, – пусть садится к Галму. В бытность в форте вы и в самом деле немало

вместе поработали. Что же сейчас Галм, ты злишься на него?

– Воля твоя, начальник, вот орку только не к добру мы берём. Сказано же: без инспектора почтовой службы – не возвращаться...

– Молчать, смерд, когда говоришь с дунаданом и офицером Объединённого королевства! – вскричал Ромендил. – Я знаю больше тебя, я лично говорил с комендантом. У меня секретные инструкции, которых ты никогда не узнаешь, даже если умеешь читать...

– Обижает, начальник. Я же торговец, читать-писать с малолетства обучен. Да и дунаданских кровей тоже, правда, наполовину. Хруодланд ведь тоже не чистый дунадан...

– Зато он не в пример тебе учтивее ведёт себя при дамах! – вспыхнул офицер.

– Это он-то? Преступник, беглец! – рассмеялся Галм.

– Преступник он или нет – не тебе решать. Вот доставим его в форт – там и разберутся, – закончил Ромендил и жестом показал, что пора вязать меня и Гилни.

Нам связали руки бечёвкой. Но не сзади, а спереди – как распорядился Ромендил, – и прижав руки не вплотную друг к другу – чтобы мы могли сами себя обслуживать во время долгого пути обратно на запад. Конечно, скачка на конях будет не так длинна, как наше с Гилни путешествие пешком. Но всё же...»

8. Дополнительные качества Ирги

Отряд из трех всадников покинул факторию Нимендра-масса более чем через месяц после исчезновения Хруодланда. Их путь лежал на восток. Но вначале они взяли резко к югу – чтобы обойти неприступные горы южными степями, где хребет сходил почти на нет. Помог Галм – он знал от разных кочевников и купцов с юга, что обвал уже два поколения как сделал непроходимой для караванов прямую дорогу через горы. Так что, самый быстрый для конных путь на восток, вёл через южные засушливые степи с солончаками, граничившими с внутренним солёным морем...

Комендант Эльдакир, сопоставив данные – и особенно кляuzu Эрнила – понял, что дело касается не козней врагов (которых пока не обнаруживалось) – а того, что называется «чувствами». Про орку он знал еще до этой челобитной замначальника почты. Но ничего не предпринимал. Еще не старый, но порядком поживший комендант понимал, что орки – давно не враги. И ничего плохого в дружбе юной орчанки со скромным почтовиком нет. Всё-таки на дворе не конец Третьей эпохи... а конец Четвёртой, когда Средиземье идёт к миру и процветанию, направленное мудрой рукой Елисара уже почти три тысячи лет...

Какая же сила подвигла Эльдакира на поиски Тереншильда?

Дело в том, что, в отличие от остальных подчиненных, Комендант был посвящён в секретную инструкцию – в тайном пакете содержались подлинные причины строительства дальних факторий. Оказывается, власти в Горнодоле узнали, что конец их мира уже предрешён и решили строить на дальней восточной окраине цивилизацию равную их горнодольской, чтобы потом переселиться туда... Потому-то в Залесье и планировали место под большой город, а не скромную факторию... Их не смущал и суровый климат – ибо более южные области, как они откуда-то узнали, также подвергнутся неведомому разрушительному воздействию.

А при чём здесь сбежавший инспектор почтовой службы? И почему комендант решил, что путь беглеца с его орчанкой, непременно проляжет строго на восток? Ведь он дал подробные наставления Галму и Ромендакилу: обойдя горы с юга, снова поднимайтесь к северу, примерно на ту же широту, где и наша фактория...

Эти секретные инструкции дал ему человек в чёрном – курьер Объединённого королевства, прибывший в середине лета в эту самую восточную точку Королевства. Когда загадочный гонец скинул дорожный плащ, его чёрная облегающая одежда оказалась вышита серебряными нитями... «Это курьер из самой Королевской канцелярии!» – с благоговени-

ем подумали слуги в приёмной коменданта, где тот разоблачился.

Как понял Эльдакир, в Королевской канцелярии работали еще те медиумы... Они входили в транс и знали, что лучше делать. Конечно, у них не было всевидящего шара, с помощью которого короли и наместники Северного и Южного княжеств могли видеть всё, что происходит на далёком от них расстоянии... Но возможно, как догадывался комендант, у них существовал чёрный культ – и некие незримые сущности сообщили служителям сего культа ценную информацию. Опыты с дальновидением были, понятное дело, засекречены, но как нередко бывает, слухи просачивались в народ, вернее, вначале они проникали в высшие слои горнодольской знати...

Инспектор почтовой службы Хруодланд Тереншильд был весьма ценным сотрудником Канцелярии – правда, сам не знал об этом. Как-то он, решив, было сменить неблагодарную профессию разъездного инспектора, прошёл серию испытаний для приёма на госслужбу. Скромный инспектор показал хорошие результаты в ряде испытаний. Но это были не те испытания, что требовались для набора штатных медиумов. Тереншильд обладал безобидными на первый взгляд возможностями для общения с природными нейтральными сущностями. А ведь в Канцелярию требовались люди, обладавшие мощной чёрной энергетикой! Но Хруодланда взяли на заметку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.